

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 124
(Апрѣль).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: На тридневное Воскресеніе Господа нашего Ісуса Христа.— Христось Воскресе! *Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*— Христось Воскресе!.*.*— Чѣмъ жива наша русская православная душа. *Нікона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*— Дружеская бесѣда объ о. Сумеонѣ.— Вѣра творить чудеса. (Пасхальный разсказъ).*.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

НА ТРИДНЕВНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРІСТА.

АДУЙТЕСЯ *всегда о Господѣ, возлюбленные братья; паки реку: радуйтеся. Господь близъ, ни о чемъ же пецѣтесь* (Филип. IV, 4, 5, 6). Господь возсталъ изъ мертвыхъ и вмѣстѣ съ Нимъ большое множество святыхъ. Будемъ же праздновать сладостно, и трезвенно. Это поистинѣ тотъ день, *его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оны* (Псал. СХVII, 24). Возвѣстимъ о воскресеніи Спасителя, лучше же сказать: возопіемъ о нашемъ спасеніи; возвѣстимъ память о томъ спасительномъ днѣ; возвѣстимъ объ умерщвленіи діавола, о плѣненіи нечистыхъ демоновъ, о спасеніи хрістіанъ, о воскресеніи мертвыхъ. Чрезъ воскресеніе Хрістова угашается геенна огненная, умираетъ неусыпающій червь; адъ приходитъ въ смятеніе, діаволь печалится, грѣхъ умерщвляется, злые духи преслѣдуются, тѣ, которые произошли изъ земли, взбѣгають на небеса, находящіеся въ аду освобождаются отъ узъ діавола и, прибѣгая къ Богу, говорятъ діаволу: *гдѣ ти, смерте, побѣда? Гдѣ ти, аде жало* (1 Кор. XV, 55)? Виновникъ же у насъ этого святаго праздника и торжественнаго собранія — Хрістось, Податель и всѣхъ намъ благъ. Онъ и сотворилъ насъ искони и привелъ изъ небытія въ бытіе; Онъ и теперь спасъ погибающихъ; Онъ

оживотворилъ омертвѣлыхъ; Онъ избавилъ отъ діавольской тираніи; насъ, бывшихъ рабами грѣху, Онъ сдѣлалъ свободными, *истребивъ еже на насъ рукописаніе* (Колосс. II, 14). *Христось ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13). По этимъ причинамъ достойно и намъ сказать: *что воздадимъ Господеви о вѣсѣхъ, яже воздаде намъ* (Псал. СХV, 3)? *Тъмже да празднуемъ не въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасицѣхъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 8), вѣруя въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицу единосущную, несозданную; вѣруя воскресенію, ожидая, что Господь опять придетъ, однако, уже не уничиженно, но славно—съ небеснымъ великолѣпіемъ, со свѣтлыми ангелами, съ трубнымъ звукомъ и страхомъ, и радостью; радостью, конечно, святыхъ и праведныхъ, страхомъ же—неправедныхъ и грѣшниковъ. Богъ же мира да удостоить всѣхъ насъ воскресенія со святыми,—по благодати и человѣколюбію Единороднаго Его Сына, съ Которымъ слава, честь и поклоненіе Всесвятому и Благому, и Животворящему Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Изъ твор. Св. Іоанна Златоустаго).

Христось воскресе!

Какія чудныя, сердцу сладостныя, поистинѣ животворящія слова!

Вотъ уже девятнадцать вѣковъ раздаются они на землѣ и каждый разъ при звукахъ ихъ бѣдное, предъ Богомъ смиренное сердце человѣческое, какъ будто отъ прикосновенія электрической искры воспламеняется и преисполняется такимъ восторгомъ, что забываешь всѣ скорби, всѣ тяготы и невзгоды житейскія, и ликуешь ликованіемъ неземнымъ, радуешься радостью небесной...

Да, только два слова, а какая въ нихъ благодатная сила!

Откуда же сія благодать для земнородныхъ? Въ чемъ эта чудесная сила?

Это--вѣчное чудо нашего Спасителя, Господа Иисуса Христа. Это—живоносный плодъ Его искупительныхъ страданій крестныхъ.

Подумайте: что можетъ быть ужаснѣе смерти для человѣка? Не напрасно великій страдалецъ Іовъ назвалъ ее *царицею ужасовъ*. Возможно ли желанное для человѣка счастье на землѣ, когда смерть постоянно отравляетъ мысль его своею неизбѣжностью, когда она подстерегаетъ человѣка на всѣхъ путяхъ его, когда могла жадно смотреть на него, всегда готовая поглотить

его? Человѣкъ гонить отъ себя прочь мысль о смерти, онъ старается забыться, развлечь себя, чтобъ не думать объ этой нежеланной гостьѣ, а она какъ бы нарочно постоянно заглядываетъ къ нему, безжалостно и внезапно вырывая то того, то другаго изъ близкихъ ему людей...

Но вотъ раздалось: ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Для хрістіанина нѣтъ больше смерти! Сама смерть умерщвлена. Есть сонъ, усупіе, вѣчный покой во Христѣ, но—не смерть!

Какъ же это случилось? Что совершилось на землѣ?

Совершилась велия благочестія тайна: Богъ, Творецъ міра, явился во плоти, породился съ человѣкомъ, Самъ сталъ совершеннымъ человѣкомъ, Безгрѣшный и Безсмертный умеръ на крестѣ яко смертный, напиталъ вѣрующихъ въ Него Своею плотію и кровію, породилъ ихъ съ Собою, содѣлалъ смертныхъ живыми членами Своего Божественнаго тѣла—Церкви Своей, и сталъ ея Главою... И вотъ, сія Божественная Глава воскресла: возможно ли, чтобы члены тѣла оставались мертвыми? Мы, люди, стали плоть отъ плоти Его и кость отъ костей Его; въ насъ течетъ Его животворящая кровь: возможно ли, чтобы Онъ не оживилъ насъ съ Собою? И нание сердце уже чувствуетъ это и ликуетъ побѣду надъ смертію: воскресе Христось—воскреснемъ и мы, ибо Онъ наша Божественная Глава, Онъ есть—Первенецъ изъ мертвыхъ!..

Хотите ли живѣе восчувствовать сердцемъ это наше совоскресеніе со Христомъ? Хотите ли воскликнуть съ Магдалиною восторженное *Раввуні!*—повторить съ Ѳомою: *Господь мой и Богъ мой!*

Слушайте, къ чему приглашаетъ васъ святая Церковь.

Въ пасхальномъ Богослуженіи, на литургіи, остался слѣдъ древняго благочестиваго обычая всѣхъ хрістіанъ непремѣнно приступать въ сей нареченный и святой день къ причащенію Божественныхъ Тайнъ Христовыхъ. *Тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите!*—такъ приглашаетъ насъ Церковь въ запричастномъ стихѣ. И всѣ, отъ мала до велика, въ древней Церкви приступали къ тайной вечери Господней въ этотъ день. Что можетъ быть трогательнѣе, что сладостнѣе для сердца вѣрующаго—въ день побѣды надъ смертію вкусить источника безсмертной жизни, въ день Воскресенія Главы Церкви соединиться таинственнымъ союзомъ благодатнаго общенія съ Нимъ и членамъ Его тѣла—Церкви? Послѣдуйте же сему святому обычаю древнихъ хрістіанъ, придите вси насладитесь пира вѣры! Трапеза для всѣхъ уготована, Агнецъ, вземлющій грѣхи всего міра для всѣхъ предлежитъ на сей священной трапезѣ, чтобы датися въ снѣдъ вѣрнымъ. Придите, тѣло Христово примите! Вкусите и видите, яко благъ Воскресшій Господь! И еще болѣе взыграется ваше сердце радостію неизглаголанной, и еще

сладостнѣе будутъ сему сердцу и устамъ вашимъ сіи чудныя, животворящія слова: ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ! Аминь.

Никонъ Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

Христосъ Воскресе!

Какъ много сказано въ этихъ немногихъ словахъ для христіанскаго сердца! Сколько въ нихъ свѣта и жизни, отрады и счастья!.. Слова эти небеснаго происхожденія. Они изречены первоначальными

чально Ангеломъ муриносицамъ. *Ангель стдйй на камени гробнльмъ той имъ благовъсти рекъ: Христось Воскресе изъ мертвыхъ.* (Пасхал. пѣснь). А Самъ Воскресшій, явившись муриносицамъ, привѣтствовалъ ихъ однимъ словомъ *радуитесь.*

Какъ мощно это слово! Оно облетѣло весь мїръ. Кто изъ христїанъ не радуется свѣтлому дню воскресенія?

Чему же радуются?

Радуются тому, что грѣхи наши прощены, что всѣ долги наши уплачены, что самая казнь, которой мы подлежали, уже совершена за насъ. Радуются тому, что снято проклятїе Божїе, тяготѣвшее надъ людьми послѣ грѣхопаденїя. Христось искупилъ насъ отъ клятвы, взявъ на Себя наше проклятїе. Теперь мы уже не чада гнѣва Божїя, не чада проклятїя, а возлюбленные сыны Божїи, искупленные кровїю Единороднаго Сына Божїя. Это-ли не радость! Радуеться тому, что уничтожена, поправа самая смерть. *Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертїю смертью поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ.*

Онъ воскресъ, воскреснемъ и мы. Христось, воскресшій изъ мертвыхъ *начатокъ умершихъ бысть* (1 Кор. XV, 20), положилъ начало нашему воскресенїю. *Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда?* „Христось воскресъ: и ты—низложилъ! Христось воскресъ: и — пали демоны! Христось воскресъ: и радуются Ангелы! Христось воскресъ: и водворяется жизнь. Воскресъ Христось: и ни одного мертваго во гробѣ“ (Пасхал. слово св. І. Златоуста).

Вотъ сколько радостей для нашего безсмертнаго духа.

И для грѣшнаго тѣла у насъ нынѣ есть „утѣшенїе велие“. Утѣшенїе это даровала намъ Св. Церковь разрѣшенїемъ поста св. четыредесятницы ради великой радости Воскресенїя Христова. Нынѣ богатый и бѣдный устрояетъ у себя вечерю. Куда ни войдешь, вездѣ замѣчаешь праздничную трапезу. Вездѣ богатство и пзобилїе. Вотъ сколько радостей даруетъ намъ свѣтлый день Воскресенїя!

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемъ и возвеслимъ въ онь!...

* * *

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

Не бойся, малое стадо: се Азъ съ вами есмь до скончанїя вѣка.

I.

Какъ отрадно вѣрующему сердцу повторить эти сладчайшія слова Господа нашего Іисуса Христа! Особенно отрадно въ наше понстинѣ страшное время, страшное не потому, что мы

каждый день читаемъ о грабежахъ и разбояхъ; не потому что враги Церкви и отечества подкапываются подъ самые устои ихъ, а потому, что духъ богоотступничества, какъ странная духовная чума, на нашихъ глазахъ заражаетъ всѣ слои нашего народа сверху до низу, проникаетъ во всѣ круги нашей общественной, семейной, государственной и, какъ ни больно это сказать, даже церковной жизни, всюду прикрываясь столь излюбленнымъ нынѣ, а въ сущности—пустымъ словомъ „свобода“... Во имя этого современнаго намъ молоха, во имя свободы безъ точнаго опредѣленія—кому и чему она дается, нынѣ попираются всѣ завѣтныя святыни русскаго сердца, совершаются возмутительныя кощунства, открыто издѣваются надъ вѣрою и въ печати, и въ публичныхъ рѣчахъ, не говорю уже о частной жизни именующихъ себя христіанами. Вѣчно слово Божіе и неизмѣнно, а оно говоритъ: *Богъ поругаемъ не бываетъ*. Еще у всѣхъ насъ живо впечатлѣніе ужаса отъ страшнаго землетрясенія въ Мессинѣ, но можетъ быть не всѣ знаютъ, до какого богохульства дошли жители Мессины наканунѣ этого событія. Безбожная газета „Телефонъ“ опубликовала богохульное стихотвореніе, которое кончалось вызовомъ къ Господу—Богомладенцу: „Если Ты поистинѣ не миѣ, то раздави насъ всѣхъ землетрясеніемъ“... А безумная, пьяная толпа растоптала ногами изображеніе Превѣчнаго Младенца среди улицы... И чаша гнѣва Божія къ кощунникамъ переполнилась и болѣе полутора ста тысячъ мессинцевъ погибло подъ развалинами несчастнаго города. Поистинѣ—*страшно впасти въ руки Бога Живаго!* И сердце содрогается, когда поставишь рядомъ это событіе съ одной стороны и все то, что творится и что печатается у насъ на Руси въ послѣднее время—съ другой... Невольно приходятъ на память грозныя слова Спасителя о задавленныхъ обрушившеюся башней Силоамской: *аще не покается, вси такожде погибнуте!* И изстрадавшаяся душа ищетъ опоры, ободренія, нравственной поддержки, и мысль невольно обращается къ вѣкамъ минувшимъ, и хочется раскрыть лѣтописанія церковныя или житія святыхъ, даже—наши русскія лѣтописи, чтобы перенестись хоть на нѣсколько минутъ въ иной міръ, совсѣмъ на современный намъ міръ непохожій. Какая была тогда горячая, младенчески простая, но могущая и горы переставлять вѣра! Наши предки, не говоримъ уже о Божьихъ угодникахъ, были—это чувствуется какъ непреложная истина—были какъ бы въ непосредственномъ общеніи съ небомъ: для всего у нихъ была одна мѣрка—согласно или несогласно извѣстное дѣяніе, даже намѣреніе, съ волею Божіей; грѣхъ они грѣхомъ и называли, правда, грѣшили, и тяжело иногда грѣшили, но и каялись въ своихъ грѣхахъ отъ всего сердца сокрушеннаго и духа смиреннаго: приходила бѣда—къ Богу и Его угодникамъ обращались; Матерь Божія всегда была первымъ прибѣжищемъ русскаго че-

ловѣка; Церковь являлась всемошною заступницей, руководительницей въ жизни, которой слушались и властители и смиренные земли; исторія нашего народа была исторіей Церкви, а такъ какъ Церковь въ своей сущности есть живой, *неумирающій* организмъ, части коего находятся въ живомъ непрестающемъ общеніи другъ съ другомъ, и люди, живущіе на землѣ, присно пребываютъ въ общеніи съ отшедшими къ Богу, то и народъ нашъ возрасталъ, какъ единый цѣльный организмъ, для котораго прошлое было столь же жизненно, какъ и настоящее. Онъ черпалъ силы и жизненную мощь изъ прошлаго не въ урокахъ только исторіи, какъ у другихъ народовъ, а въ живомъ общеніи съ святыми предками своими посредствомъ молитвы, посредствомъ божественной Евхаристіи, посредствомъ дѣлъ любви, творимыхъ отъ имени тѣхъ, кого уже нѣтъ на землѣ.—Да, то была настоящая хрістіанская жизнь! Никто, можетъ быть, не сознавалъ такъ глубоко свою грѣховность, какъ русскій человекъ. И въ этомъ было завѣтное сокровище его души. Это было то мытаревое золото, коимъ однимъ только и отверзаются двери райскія. Словомъ—это было то смиреніе, которое, по слову святыхъ отцовъ, и одно способно содѣять наше спасеніе, безъ другихъ подвиговъ добродѣтели, хотя и *кочно*... Народъ нашъ жилъ чувствомъ покаянія, онъ утѣшался милостями Божиими, онъ былъ въ постоянномъ, говорю, благодатномъ общеніи съ небесною Церковію, на небесахъ торжествующею, и въ ней черпалъ ту животворящую силу, которая дала ему возможность возрасти въ древо велие на земномъ шарѣ.

То ли теперь? Тѣмъ ли живетъ нынѣ русская душа?

Съ болью сердца мы наблюдаемъ глубокое паденіе нравовъ, а что особенно ужасно—это какое-то безотрадное отчаяніе въ религіозномъ отношеніи: какъ будто на нашихъ глазахъ совершается то ужасное „отступленіе“, о коемъ говоритъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ Солунянамъ. И является страшная мысль: уже не умерла ли на Руси та вѣра, которая давала ей жизнь на протяженіи тысячи лѣтъ? Уже не порвалась ли та святая нить, которая соединяла насъ съ небомъ? Уже не близко ли то время, о коемъ сказалъ Господь: *егда прїидетъ Сынъ Человѣческой—обрящетъ ли си вѣру на земли?*.

Нѣтъ! Еще жива русская православная душа! Еще не погасъ свѣтильникъ Церкви православной на Руси! Еще есть души вѣрующія, души Богу преданныя, души, для которыхъ небо столь же осязательно-реально, какъ и вся окружающая ихъ жизнь.

Кому не случалось путешествовать по роднымъ палестинамъ? Вспомните чудную картину, полную мира и утѣшенія для русскаго сердца: вотъ вы поднялись на возвышенность, откуда открывается чудный видъ на далекія окрестности,—что прежде всего вы замѣчаете? Храмы, храмы и храмы! Вы насчитываете

ихъ больше десятка на пространствѣ открывшагося горизонта. Вонъ, тамъ, вдали, въ синевѣ тумана, на высокой горѣ, какъ свѣтлый маякъ, красуется церковь Божія съ высокой колокольнею; вотъ ближе изъ-за лѣса виднѣются два-три храма, выступающая своею бѣлизной изъ зелени деревьевъ; тамъ храмъ Божій пріютился у подножія горы, а тутъ стоитъ на ровной мѣстности, окруженный хижинами поселянъ, какъ бы собирая ихъ яко кокошь подъ крилъ свои... И крестится православный русскій человѣкъ, любуясь на эту родную его сердцу картину, и радуется его сердце, что такъ хорошо жить на свѣтѣ, когда куда ни взглянешь,—на тебя смотритъ Божій храмъ, вездѣ-то можно отдохнуть душой, вездѣ можно *міромъ* Богу помолиться... И невольно приходитъ на мысль: а что если бы можно было однимъ взглядомъ, сразу окинуть всю Русь православную, отъ Тихаго океана до моря Балтійскаго, и отъ океана Ледовитаго до палимыхъ солнцемъ степей Средней Азіи, если бы можно было взглянуть на нее—необъятную въ тѣ дни великіе, когда сотни тысячъ храмовъ Божіихъ бывають открыты, когда православный людъ отовсюду стремится въ нихъ съ крестнымъ знаменіемъ, когда по всей Руси гудятъ сотни тысячъ колоколовъ или заунывно, какъ во дни поста и покаянія, или же радостно-торжественно, какъ въ Пасхальную Святую ночь: что за величественная, трогательная, единственная во вселенной картина развернулась бы предъ нами! Хороша ты, наша Русь матушка, прекрасна неземною красотою храмовъ Божіихъ, тепло и уютно живется подъ благодатнымъ кровомъ ихъ миллионамъ простыхъ вѣрующихъ душъ: есть имъ гдѣ свои скорби предъ Богомъ излить, свое бремя сложить, есть гдѣ и поплакать въ горести, и порадоваться въ радости и Бога прославить! А что было бы, если бы вовсе храмовъ Божіихъ не было? О какъ холодно, мрачно, тоскливо и пусто было бы на землѣ для русскаго человѣка! *Церковность* есть живая стихія русской народной жизни, и пока народъ живетъ ею, дотолѣ жива и православная русская душа, дотолѣ и ея общеніе съ небесною Церковію будетъ для нея неизсякаемымъ источникомъ благодатной жизни, свѣта, радости и свѣтлой надежды на блаженную вѣчность,—дотолѣ и для cadaго вѣрующаго члена Христовой Церкви будутъ отверсты объятія Отца небеснаго, и онъ не будетъ лишенъ, хотя въ малой мѣрѣ, утѣшенія ощущать это въ своемъ сердцѣ и свидѣтельствовать о семъ личнымъ опытомъ.

Да, личнымъ опытомъ.

Кто изъ искренно вѣрующихъ не испыталъ хоть разъ въ жизни на себѣ или не слышалъ благоговѣйныхъ повѣствованій отъ другихъ о дивныхъ явленіяхъ благодати Божіей, утѣшающей, возрождающей, исцѣляющей и къ Богу наше сердце устремляющей? Особенно это проявляется на тѣхъ, кто отдастъ себя на

служеніе Богу въ званіи иноческаго. Рѣдкій инокъ не хранитъ въ сокровищницѣ своей благодарной памяти тѣ обстоятельства, которыя привели его въ святую обитель. Но и міряне, внимательные къ путямъ Промысла Божія въ своей жизни, многое могутъ повѣдать изъ той сокровищницы сердца, куда вѣрующій слагаетъ все, что дорого, поучительно и отраднo для его души.

Почему бы не записывать все это, на память и въ поученіе дѣтямъ и внукамъ? Почему бы, но крайней мѣрѣ, не вспоминать почаще въ бесѣдахъ благочестивыхъ? Вѣдь любимъ же мы собираться, чтобы пріятно провести время въ праздникъ: вотъ, вмѣсто праздныхъ рѣчей, вмѣсто занятій политикой да пересудами, отчего бы не побесѣдовать о дѣлахъ и чудесахъ Божіихъ въ наши дни? Или ужь такъ и нѣтъ у насъ ничего за душой, чтобы вести такую бесѣду? Тогда хотя бы почитать то, что добрые люди позаботились напечатать для насъ: авось, и въ нашей душѣ загорѣлся бы огонекъ живой и животворящей вѣры, авось, холодное, черствое наше сердце согрѣлось бы и ожило и стало способно къ воспріятію Божіей благодати...

Кто пять лѣтъ тому назадъ былъ въ Саровѣ, на открытіи мощей новоявленнаго чудотворца Серафима, тотъ видѣлъ дивныя дѣла Божіи во-очію, видѣлъ и умилился, и не могъ не сказать: воистину *Исусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки!* Какъ будто небо было отверзто тогда надъ родною нашей Родиной, какъ будто Господь, провидящій грядущія бѣды и скорби неизреченныя, нами нынѣ переживаемыя, готовилъ Свой народъ къ этимъ великимъ испытаніямъ, щедро изливая Свои милости на души страждущія, заранѣе утѣшая вѣрующихъ и какъ бы говоря имъ: *не бойся, малое стадо! Се Азъ съ вами есмь!..* Гдѣ эти простыя вѣрующія души? Вѣдь быть съ ними въ общеніи—значитъ жить жизнью Церкви, быть въ общеніи и съ небесною Церковію. А въ этомъ и наше спасеніе—временное отъ бѣдъ настоящихъ и вѣчное—отъ грядущихъ.

Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дружеская бесѣда объ О. Сумеонтѣ¹⁾.

Одинъ глубокий старецъ имѣлъ дружбу съ молодымъ человекомъ простаго званія. Дружба эта у нихъ основалась и окрѣпла на взаимной любви Христовой. Хотя и раздѣлялъ ихъ возрастъ,

¹⁾ Иеромонахъ Крестовой церкви въ г. Вологдѣ, скончавшемся 7-го марта 1903 года.

но соединяло единство сердечныхъ желаній и духовныхъ стремленій. Старецъ былъ любвеобилень и смиренномудръ и назидаль молодого болѣе своею житейской мудростію, стяжанною многими трудами и опытами жизни; молодой же челоуѣкъ, въ свою очередь, утѣшалъ старца сказаніями о жизни Св. угодниковъ Божіихъ и добродѣтельныхъ мужей, которыхъ онъ хорошо зналъ, такъ какъ былъ большой любитель чтенія духовнаго. Часто они бесѣдовали между собою и подкрѣпляли другъ друга въ добромъ жителствѣ.

Вотъ однажды молодой челоуѣкъ, по обычаю своему, зашелъ навѣстить старца, чтобы оживиться и утѣшиться съ нимъ духовною бесѣдою, а старецъ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій и говорить ему: „скажи, дорогой мой другъ, слово на пользу души моей. Люблю я всегда слушать хорошія бесѣды и услаждаюсь душою. Западаютъ они какъ то въ душу и трогаютъ грѣшное сердце. Умилишься душою послѣ этого и поплачешь о грѣхахъ своихъ,—ну и полегче сдѣлается на душѣ. Иногда же доброе слово придетъ на память во время молитвы и умягчитъ душевную сухость; положу тогда и за тебя поклончикъ Богу.“

На это молодой челоуѣкъ отвѣтилъ: „что скажу тебѣ, добрый рабъ Христовъ, во утѣшеніе души твоей? Не далекаго я челоуѣкъ ума и не высокой жизни. Самъ питаюсь крупичами падающими отъ трапезы господь—отцовъ духовныхъ; временами же томлюсь и голодомъ душевнымъ. Еще не усокровиществованы въ моемъ сердцѣ словеса духовныя и избытка ихъ не имѣю. Не достигъ еще я и чистоты душевной, чтобы съ кротостію и смиреніемъ произносить слова добрыя, проникающія въ душу. Но ради той любви, какую ты имѣешь ко мнѣ худѣйшему, скажу тебѣ въ назиданіе, что Богъ положитъ на сердце. Признаюсь же тебѣ откровенно, добрый мой отецъ и другъ, что и для меня бесѣда съ тобою доставляетъ не малую пользу и пріятность. Я всегда легко и свободно говорю съ тобою, слова сами собою такъ и слагаются въ сердцѣ, удивляюсь я даже иногда самому себѣ: откуда могла явиться у меня такая премудрость духовная въ бесѣдѣ съ тобою, когда я такъ скуденъ умомъ? Не рѣдко я вступалъ въ такія бесѣды съ людьми иного направленія и что-же?—слово оскудѣвало въ устахъ моихъ, а въ сердцѣ являлась сухость и пустота. Мнѣ даже бывало стыдно за самого себя: начну объ чемъ либо говорить и не могу кончить. Не знаю, чѣмъ и объяснить это?

— Богъ да сохранить любовь нашу, другъ мой!—отвѣтилъ старецъ. Ты больше моего знаешь въ этомъ дѣлѣ: слово Божіе видишь, да и съ хорошими людьми чаще встрѣчаешься. А я что?—сухое бесплодное дерево! Въ суетахъ и заботахъ прожилъ я жизнь свою, а теперь въ праздности рукъ доживаю дни свои. Когда же услышу отъ кого доброе слово, то и оживу духомъ

и поблагодарю Бога, что послалъ мнѣ добраго человѣка на утѣшеніе души. Ну, скажи же что нибудь, другъ мой?

Помолчавъ немного, молодой человѣкъ спросилъ старца, зналъ ли ты, отче мой, о Сумеона, Иеромонаха Крестовой церкви въ г. Вологдѣ, скончавшагося лѣтъ 6-тъ тому назадъ?

— Нѣтъ, я его не зналъ! А много слышалъ я объ немъ хорошаго;—отвѣтилъ старецъ.

— Хочешь ли, отче, я скажу тебѣ объ о. Сумеонѣ, что знаю?

— Я очень радъ послушать о его жизни. Скажи, другъ мой!

— Ну вотъ, послушай. Дивный это былъ мужъ и молитвенникъ предъ Богомъ усердный! Вся жизнь его была посвящена на угожденіе Богу и на служеніе ближнимъ. Богатые и бѣдные, знатные и убогіе, образованные и простые,—все приходили къ нему: кто за совѣтомъ, кто за утѣшеніемъ, кто за молитвою и благословеніемъ. Онъ же всякому человѣку старался услужить по силѣ своей и явить любовь Христову. Ни поѣсть, ни попить, какъ слѣдуетъ, ни отдохнуть покойно, онъ не имѣлъ свободнаго времени—все въ бесѣдахъ, заботахъ и молитвахъ пребывалъ. Двери его келіи были открыты всегда, для всѣхъ, и всякій человѣкъ имѣлъ свободный къ нему доступъ. И я грѣшный много разъ прихаживалъ къ нему за совѣтами и очень былъ утѣшаемъ имъ. Какъ сейчасъ было, помню: находился я однажды въ большой скорби и захотѣлъ сходить къ о. Сумеону за утѣшеніемъ. Я не зналъ его ранѣе, но много также слышалъ объ немъ хорошаго. Вотъ и пошелъ. Но сердце у меня отчего то очень начало смущаться и волноваться. Ужъ не вернуться ли, думалъ я, обратно? Да удобно ли это будетъ беспокоить его своими малостями? Вдругъ, да какъ онъ разсердится на меня за это безпокойство и скажетъ:—уйди вонъ!—что тогда я буду дѣлать?.. Но все же желаніе сходить превозмогло эти смущенія, и я не вернулся. Прихожу въ его келію, которая была почти рядомъ съ Крестовою Церковью, и останавливаюсь у самыхъ дверей. Вотъ и вижу идетъ онъ ко мнѣ на встрѣчу, да такой веселый и улыбающійся. Я подошелъ къ нему на благословеніе и сказалъ: я къ вамъ, батюшка, пришелъ, за совѣтомъ;—разрѣшите мнѣ вотъ это? Онъ же, блаженный, отнесся ко мнѣ такъ участливо, оказалъ такую ласку и любовь, что я даже много удивился этому. Разрѣшивъ мое недоразумѣніе и утѣшивъ своими словами, онъ проводилъ меня изъ келіи до самаго крыльца. На прощаньи же онъ, отъ великой любви, нѣсколько разъ даже поцѣловалъ меня. Чуть не до слезъ тронула меня такая любовь о. Сумеона. Вотъ какіе, подумалъ я, есть рабы у Господа Бога благіе и смиренные!.. И съ того времени, я возимѣлъ къ нему особенное уваженіе и часто приходилъ къ нему.

Ужъ какой онъ милостивый былъ къ бѣднымъ!—Радъ былъ послѣднее отдать нуждающемуся человѣку, лишь бы облегчить

его тяжелое положеніе. Часто случалось, что отдавалъ самыя необходимыя вещи, безъ которыхъ и самому было нельзя обойтись. Много къ нему и обращалось бѣдныхъ людей за помощью и отказа никому не было. Средствами его обильно снабжали благочестивые почитатели. Состраданіе же къ скорбящимъ онъ имѣлъ необыкновенное,—готовъ былъ всѣ скорби взять на себя отъ болѣзную души, лишь бы освободить ее отъ горестей жизни и утѣшить духовно. Возьметъ, бывало, за голову скорбящаго человѣка и помолившись Богу въ тайнѣ души, крѣпко поцѣлуетъ его въ чело и скажетъ такія слова: „не скорби, другъ мой! Господь тебя не оставитъ! у Бога милости много, будемъ только надѣяться на Него!“. И отпуститъ съ благословіемъ Божиимъ. Инымъ же говаривалъ такъ: „вотъ пойдемъ, помолимся вмѣстѣ Богу, отслужимъ молебень Царицѣ Небесной и св. угодникамъ Божиимъ, попросимъ ихъ благодатной помощи, и возверземъ печали свои на Господа и Той насъ препитаеть“. Нѣкоторымъ же совѣтовалъ поговѣть, покаяться во грѣхахъ и приобщиться св. Христовыхъ Таинъ. Конечно, съ радостію всегда принимались такіе совѣты и предложенія,—самъ же онъ былъ для нихъ и духовнымъ отцомъ и служителемъ и молитвенникомъ. Чудно дѣйствовало на души приходящихъ такое христіанское отношеніе о. Смеона и измѣняло благодатнымъ измѣненіемъ: отлегалы отъ сердца печали житейскія, прояснялись мрачныя думы, душевная сухость умягчалась и радость духовная наполняла сердца!..

Каждый почти день, послѣ обѣдни и вечерни, о. Смеонъ служилъ молебны. Множество молящихся было всегда въ это время. Чтобы возгрѣть въ себѣ духъ молитвенный о. Смеонъ творилъ частые поклоны, иногда даже земные. Его молитвенная горячесть и усердіе сообщались и молящимся. Воспламенялся въ сердцахъ всѣхъ духъ благочестія и на глазахъ у многихъ блестяли слезы умиленія. Раскрывались въ молитвахъ глубины души и изъ устъ всѣхъ возносились покаянныя воздыханія къ Богу. Касалась, въ это время, благодать грѣшныхъ сердець и утоляла печали житейскихъ скорбей. Приближалось къ душамъ Царствіе Божіе и отверзались двери милосердія Божія. Очищались сердца слезами покаянія и исполнялись духомъ благодати Христовой!.. Подолгу всегда продолжались молебныя пѣнія, но никто не уходилъ раньше ихъ окончанія: всякому хотѣлось получить и благословіе о. Смеона. Блаженно, поистиннѣ, для многихъ было это время и пріятно оно по своимъ воспоминаніямъ!.. И легко жилось тогда многимъ рабамъ Христовымъ.

Ну, и любили же его православныя христіане: всякій желалъ принять его къ себѣ въ домъ и изъявить ему свое особенное уваженіе. Хотѣлось каждому услышать отъ него душеполезное наставленіе и утвердиться духовно. Счастливымъ почитался тотъ

день когда былъ у кого о. Сумеонъ и праздникомъ для всѣхъ было его посѣщеніе. А какъ процвѣтало тогда благочестіе, какъ умножалось съ каждымъ днемъ доброе стадо,—имѣя такого пастыря! И молодыя дѣвицы и учащіеся юноши и сомнѣвающіеся студенты и колеблющіеся пастыри и разбитые въ своей судьбѣ лица,—всѣ приходили къ о. Сумеону и открывали ему свои душевныя состоянія. Онъ же былъ для нихъ и наставникомъ добрымъ, и руководителемъ истиннымъ, и опорой твердою, и утѣшителемъ искреннимъ! Нѣкоторые изъ теперешнихъ пастырей, передъ принятіемъ сана священства, испытывали большія смущенія и только благодаря поддержкѣ со стороны о. Сумеона, рѣшились принять на себя такое великое служеніе. Его простыя слова и наставленія всегда проникали въ душу, а духовная любовь согрѣвала сердца и утверждала духовно. При видѣ такого добраго пастыря Христова, полагающаго свою душу за спасеніе ближнихъ,—безмолвствовали умъ сумнящійся невѣріемъ и смирялось грубое жестокое сердце!..

ВѢРА ТВОРИТЬ ЧУДЕСА.

(Пасхальный разсказъ).

Это было давно. Оканчивалась страстная недѣля и наступалъ свѣтлѣйшій праздниковъ праздникъ. Насталъ канунъ. Всѣ радостно готовились къ великому дню... Съ вечера мыли и чистили въ домахъ. Приготовляли куличи и пасхи. Красили яички. Время клонилось къ вечеру.

Въ домѣ одного зажиточнаго крестьянина деревни Нової, Ѳедора Степановича, уже все было изложено, все приготовлено. Семья стала собираться въ церковь, отстоящую около двухъ верстъ отъ деревни.

Въ столь необычное время вдругъ входитъ въ домъ Ѳедора Степановича его сосѣдь—Иванъ Елисеевъ. Это былъ бѣдный неимущій мужиченко. Хотя бѣдность не порокъ, но и не добродѣтель. Особенно если она отъ себя, отъ своей лѣности, отъ своей праздности. Иванъ Елисеевъ именно отъ этихъ причинъ и впасть въ бѣдность. Мужикъ онъ рослый. Въ плечахъ косая сажень. Чѣмъ не работникъ? Сначала жилъ въ услуженіи у одного изъ сосѣдей. Сталъ попивать. Часто былъ неисправенъ. Отказали.

Нанялся потомъ въ большую барскую усадьбу. Здѣсь зарабатывалъ хорошія деньги. Семья жила безбѣдно. Семья у него была многочисленная и могла править крестьянскія работы безъ хозяина. Но и тутъ не удержался. Отказали опять.

Вернулся домой. Жить не чѣмъ и не у чего. Одолѣло горе. Сталъ запивать чаще. Стало слышно, что у него и другіе грѣшки завелись: онъ не прочь и чужимъ попользоваться. Разъ замѣтили. Въ другой разъ на мѣстѣ преступленія поймали. Мужика со-

всѣмъ не стало довѣрія. Всѣ сторонились его. Всѣ обѣгали. Тяжело стало жить. Мужикъ запилъ еще больше. Денегъ не было. Приходилось доставать ихъ позорнымъ путемъ...

Вотъ какой незванный гость зашелъ не въ урочный часъ къ богатому крестьянину Оедору Степановичу.

Онъ помолился Богу, привѣтствовалъ хозяевъ и сѣлъ на лавку.

— Зачѣмъ пожаловалъ, Иванъ Елисеевичъ? спросилъ хозяинъ.

— А нѣтъ-ли, хозяинъ работы какой? Въ свою очередь спрашивалъ пришедшій.

— Какая теперь работа? Вотъ ужъ къ празднику надо собираться,—въ церковь ѣхать.

— Не возьмешь-ли меня хоть кучеромъ?

— Нѣтъ, куда! Мы и сами-то едва помѣстимся. Знаешь, какая семья!

— А развѣ всѣ ѣдете?

— Бабушка одна останется съ малыши ребятами.

Это только и нужно было знать посѣтителю.

Онъ почесалъ затылокъ и, откланявшись, вышелъ.

Скоро разъяснилось дѣло, зачѣмъ приходилъ недобрый со-сѣдъ. Пробыло одиннадцать. Оедоръ Степановичъ собрался съ семьєю и уѣхалъ въ церковь. Они спѣшили, чтобы не опоздать „къ обходу“, т. е. къ крестному ходу передъ торжественной пасхальной утреней.

Домовничать осталась одна старушка, Александра Петровна,—мать хозяина. Малыши дѣти спали.

Это была женщина благочестивая, добродѣтельная на рѣдкость, уважаемая всей деревней. Она и милостыню подастъ. Она и странника накормитъ. Она словомъ и дѣломъ поможетъ всѣмъ и каждому. Она посѣтитъ больного, и какое сумѣетъ, приготовить лекарство. Она и къ осиротѣлой семьѣ придетъ ангеломъ-утѣшителемъ.

Да, это была добрая старушка. Вѣчная ей память!

Вотъ она-то и была оставлена домовницей. Ей ужъ за семьдесятъ Въ храмъ Божій тяжело... Она сумѣетъ помолиться и дома.

Подсѣла старушка къ окну и слушаетъ, когда раздастся гласъ Божій—звукъ церковнаго колокола. Онъ долеталъ до деревни. Вотъ она и услышала радостные звуки. Встала передъ иконой, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и запѣла старческимъ голосомъ: „*Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*“...

Мыслью она была во храмѣ. Она присутствовала среди крестнаго хода. Она стояла на паперти, когда въ первый разъ запѣли священнослужители эту радостную пѣснь. Мысленно входила она въ торжественно освященный храмъ и вторила пѣвцамъ въ пѣніи пасхальнаго канона: *воскресеніа день, просвьтисмя людіе! Пасха Господня, пасха...*

Такъ радостно, по праздничному настроена была добрая старика.

Вдругъ она слышитъ, что-то сильно стукнуло въ запертой холодной горницѣ. Старушка прислушивается...

Шорохъ... Зажгла она свѣчку и идетъ въ горницу.

И вотъ что представилось ей взору.

Тотъ самый сосѣдъ, который съ вечера приходилъ съ предложениемъ услугъ, здѣсь хозяйничаетъ, какъ дома. Въ рукѣ у него отмычка. За поясомъ топоръ.

Кто-бы обрадовался такой встрѣчѣ? Кто-бы не испугался въ положеніи беззащитной старушки. Вся деревня ушла въ церковь... Но не потерялась старушка. Нашла она выходъ изъ безвыходнаго, повидимому, положенія.

Не со злобой, не съ ругательствомъ стала подходить она къ злодѣю, а съ христіанскою любовію. Она помнила, что нынѣ поютъ въ церкви: *прости мѣ вся воскресеніемъ... другъ друга обмыли мѣ...* Смѣло подошла она къ злоумышленнику и сказала: „Христось воскресе, добрый человѣкъ!“

Вѣдь и злодѣя, когда назовутъ добрымъ человѣкомъ, онъ смягчается...

Что произошло тутъ, не поддается описанію.

Злоумышленникъ, услышавъ такія слова, затрясся и залился слезами. Орудіе выпало изъ его рукъ и онъ упалъ на колѣни предъ старушкой.

— „Прости меня, Александра Петровна, разбойника окаяннаго!.. Злыя мысли были у меня въ головѣ. Я хотѣлъ обокрасть васъ... Была даже мысль убить тебя, если ты будешь мѣшать... Ты спасла меня... Во время заставила одуматься. Не вспомни зла! Прости меня, окаяннаго грѣшника!“

— Встань, голубчикъ, сказала старушка. Ну похристосуемся. Христось воскресе! Радуюсь, что Воскресшій Господь помогъ мнѣ удержать тебя отъ гибели. Да простить тебя Господь! Тебѣ, вѣрно, разговѣться не чѣмъ. Тебя нужда заѣла. Вотъ тебѣ на розговѣнье. И старушка подала ему свои сбереженья. А теперь ты пойди, помолись, иди въ церковь. Вѣдь нынѣ всѣмъ дано прошенье. Всѣмъ возвѣщено спасеніе...

Такъ безоружною старицей, глубоко вѣрующей христіанкой, совершенно было обращеніе разбойника на путь покаянія.

Прихожане видѣли Ивана Елисеева за пасхальной обѣдней. Видѣли, какъ усердно, со слезами онъ молился, видѣли и дивились, что это произошло съ недобрымъ человѣкомъ, котораго давно уже не встрѣчали въ храмѣ Божіемъ.

Воистину глубокая вѣра способна творить чудеса. Это-ли не чудо, совершенное силою вѣры!..

* * *